

0398

HARLEQUIN®

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

Никола Марш

АЛМАЗНАЯ ПРИНЦЕССА

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Никола Марш

Алмазная принцесса

«Центрполиграф»

2012

Марш Н.

Алмазная принцесса / Н. Марш — «Центрполиграф»,
2012 — (Любовный роман – Harlequin)

Ради спасения семейной компании Руби Сиборн готова на все: даже пожертвовать собственным счастьем и выйти замуж за врага. Она и не предполагала, что ненавистный человек вдруг станет любовью всей ее жизни...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Никола Марш

Алмазная принцесса

Marrying the Enemy

© 2012 by Nicola Marsh

«Алмазная принцесса»

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава 1

Джекс Марони променял чистые небеса австралийских пустынь на это безобразие.

В самом дорогом и фешенебельном районе Мельбурна Армидейле старейший ювелирный дом Австралии дает прием, на котором собрались все сливки общества и воротилы ювелирного бизнеса и куда он явился без приглашения.

Чертовы выскочки. Они не просто его конкуренты, они – самые настоящие враги. Враги, которые упорно делают вид, что не замечают его, которые шепчутся у него за спиной и показывают пальцем, бросают косые взгляды. Враги, к которым он вынужден идти на поклон, чтобы добиться своей цели.

Его это страшно раздражало. Ему плевать, что эти люди думают о нем, но они нужны ему в качестве партнеров, и от этого никуда нельзя было деться...

От осознания своего бессилия у Джекса свело живот, и так уже порядком измученный постоянным, медленно тлеющим гневом на человека, который был причиной того, что он оказался в подобной ситуации.

– Осторожнее. Скоро ваш лоб сведет судорогой, и так до конца жизни и будете ходить с таким лицом, будто вы что-то не то съели на завтрак.

Удивленный, что кто-то решился подойти к нему, несмотря на его очевидное нежелание ни с кем общаться, он повернул голову и увидел нахальную блондинку, увешанную бриллиантами. Такого количества камней хватило бы, чтобы обеспечить его западноавстралийский прииск работой на ближайший десяток лет.

– А вам-то что?

По всей видимости, нелюдность Джекса не произвела на нее должного впечатления. Ее губы сложились в дразнящую улыбку.

– Выпуск новой весенней коллекции Сиборнов – это повод для шампанского, икры и неземного восторга. – Она протянула ладонь к его лбу. – А вы все еще хмуритесь. Вам это не идет.

– Это потому, что большинство здешних снобов не могут шевельнуть ни одной мышцей своих накачанных ботоксом лбов? – Он пренебрежительно окинул взглядом разряженную в дизайнерские тряпки толпу обладателей тугих кошельков и безупречных укладок, каждый из которых готов был бросить в него камень за грехи его отца.

К изумлению Джекса, улыбка блондинки стала еще шире.

– Возможно, вы и правы, но вы должны делать вид, что они вам нравятся.

– Почему это?

– Потому что охранники не жалуют негламурных типов, просто стоящих и глазающих. Они решат, что вы вор.

Джекс невольно поежился под ее пристальным изучающим взглядом. Потом их глаза встретились, он ощутил легкое покалывание, словно по телу пробежались слабые разряды тока.

– С другой стороны, может, и нет.

С другой стороны, он был не прочь скрестить шпаги с интригующей блондинкой. Ему редко бросали вызов. Как в бизнесе, так и в остальном.

Ему нравились простые понятные женщины. Дерзкая блондинка? Что-то новенькое.

Он отмахнулся от нее:

– Разве вы не должны блистать и выслушивать комплименты?

– А разве вы не должны улыбаться?

Его губы дрогнули.

– Я знала, что сможете. Это не так сложно, как кажется.

Он растерянно тряхнул головой:

– Вы вообще кто?

Она скорчила смешную рожицу:

– Твой самый страшный кошмар, Смайлик.

Джекс невольно засмеялся и сразу поразился тому, насколько странным и чужим казался ему его смех. Когда же он смеялся в последний раз?

– Ваш язык доведет вас до беды.

Она подняла к плечу воображаемый пистолет и нажала на курок:

– Я готова.

Ей все-таки удалось произвести на него впечатление. Джекс решил немного подразнить ее:

– Громкое заявление. А что на деле?

Беспечно пожав плечами, она отвернулась, позволив полюбоваться манящим видом обнаженной спины, обрамленной изумрудным сатином дизайнерского платья с гигантским бантом.

Незнакомка сделала два шага, остановилась и обернулась:

– Останетесь после ланча – узнаете. Если повезет.

Она удалилась, старательно крутя отличной задницей.

* * *

Руби схватила бокал шампанского с подноса проходящего официанта. Она испытывала непреодолимое желание сорвать с себя кольцо из редких зеленых бриллиантов и как следует почесаться.

Она понятия не имела, как ее сестра Сапфи это терпела.

У нее было ощущение, что драгоценные камни весят не меньше тонны, а сережки оттянули мочки ушей на добрый дюйм.

В то время как толпа ахала и охала, восторгаясь ее творениями, Руби боролась с желанием почесаться.

Для прессы этот день мог бы стать удачным. Она представила себе заголовки: «У Руби Сиборн, гениального автора последней весенней коллекции, аллергия на собственные драгоценности!»

Вероятно, это была скорее психосоматическая реакция, чем физиологическая. Подсознание пыталось ей сказать, что ее место за кулисами. Она ведь использовала только благородные металлы и драгоценные камни, которые, к слову, все труднее было добывать, и все из-за «Прииска Марони», гигантской корпорации, поглощающей все и вся на своем пути.

Попадись ей в руки Джекс Марони, президент, она бы его задушила.

Кстати о мужчинах, вызывающих желание их придушить... Руби посмотрела на сварливого Аполлона, подпирающего стену.

На нем был темный деловой костюм в тонкую полоску, голубая рубашка и галстук цвета индиго, но на этом его респектабельность заканчивалась. Непроницаемые черные глаза, бесстрастное выражение лица с едва уловимой усмешкой на сексуальных губах – у него словно на лбу было написано «плохой парень».

Он был не слишком любезен с ней. И кто он вообще такой?

Репутация Сиборнов зиждилась на эксклюзивности. Каждый на сегодняшнем приеме мог похвастаться происхождением и деньгами.

Деньгами, в которых отчаянно нуждалась ее компания, чтобы выжить.

Руби стояла, уставившись в одну точку, потом взглянула на него. Мужчина насмешливо поднял бровь, и ее бросило в дрожь. По коже тут же побежали мурашки.

На какое-то время она даже перестала дышать. Кивнув ему, Руби быстро отвернулась и просунула палец под короткое ожерелье, удавкой охватившее шею. Это не помогло. Под его пристальным взглядом по ее телу разливались волны жара.

От мужчины исходила дикая, необузданная сила, пробуждающая в ней первобытные инстинкты.

Обычно Руби лишь флиртовала с подобными парнями, пока это ей не надоедало, а потом забывала о них. По-настоящему ей нравились совсем другие мужчины.

Но пока Сапфи пребывала в вынужденном отпуске, Руби пришлось взять на себя слишком много обязанностей. Создание столь любимых ею драгоценностей отошло на второй план – главной задачей стало удержать компанию на плаву. И это было только начало.

Если только бы мама и Сапфи доверились ей раньше.

Руби тяжело переживала потерю матери и восхищалась сестрой, ставшей президентом и лицом компании. В конце концов, Сапфи готовили к этой роли с пеленок. Руби никогда не завидовала сестре, предпочитая заниматься творчеством и вести беззаботную жизнь.

Неуклонное падение рентабельности компании из-за ухудшающейся экономики, распространения сетевых магазинов и особенно «Прииска Марони», мало-помалу вытесняющего их с рынка, стало причиной того, что в последние несколько месяцев ее жизнь превратилась в кошмар.

Но у Руби еще оставалось три месяца до того, как Сапфи вернется в свое кресло главы компании, двенадцать недель, чтобы доказать сестре и деловому миру, что она не какая-то там взбалмошная пустышка.

По мере того как Руби продолжала принимать поцелуи и поздравления с успехом новой коллекции, ее взгляд часто (даже слишком часто, что являлось плохим знаком) возвращался к угрюмому незнакомцу.

Наконец прием подошел к концу, и Руби с облегчением упала на стул. Радость ее длилась недолго – до тех пор, пока ее кузина Опал не похлопала ее по плечу и не сунула ей под нос лист бумаги.

– Сколько мы сегодня продали? – спросила Руби.

Опал нахмурилась и покачала головой:

– Недостаточно.

– Черт. – Она схватила лист и принялась изучать его.

Практически полное отсутствие отметок о продаже привело ее в отчаяние.

«Сиборн» шла ко дну, и ничто, включая выпуск самой шикарной коллекции из лучших ее произведений, не могло ее спасти.

Опал сжала ее руку:

– Все будет хорошо.

Глаза Руби наполнились слезами, и она отчаянно заморгала.

– Да, конечно, – выдавила она из себя.

Она не может просто так сдаться. Ради Сапфи, ради семейного бизнеса, ради себя самой.

В последний год своей жизни их мать постоянно накачивали морфием, но, несмотря на это, она сохраняла былую деловую хватку. Рак поджелудочной железы разрушил ее тело, но не острый ум; Матильда заставила Сапфи пообещать сохранить и продолжить дело их семьи. Ради потомков.

Если принять во внимание тот факт, что ни Руби, ни Сапфи не удавалось завязать мало-мальски серьезных отношений, да они этого и не хотели, разговор о детях был явно преждевременным.

Впрочем, все это было уже не важно, поскольку сестра была в больнице из-за нервного срыва на фоне синдрома хронической усталости. Потому что целиком взвалила на себя ношу, которую должны были нести они обе.

Это был двойной шок – узнать о том, что «Сиборн» находится на грани разорения и что Руби косвенно виновна в болезни сестры.

В то время как Сапфи добивалась твердых пятерок, Руби не утруждала себя учебой, изредка, по счастливой случайности получая четверки вместо обычных троек. Пока Сапфи уверенно шла к получению степени магистра по экономике, Руби училась на факультете искусств, особо не заботясь о дипломе, потому что уже работала ювелиром в семейной компании. В то время как Сапфи все свое время посвящала работе, Руби танцевала и развлекалась на вечеринках Мельбурна в компании таких же лоботрясов.

Неудивительно, что мать доверяла Сапфи, а не ей. Пришло время доказать, что все ошибались. Пусть раньше Руби заботилась лишь о себе, теперь у нее появился шанс восстановить порядок вещей, выведя «Сиборн» из кризиса.

Опал подтолкнула ее:

– Кстати, у нас намечается скандал.

Руби обернулась как раз вовремя, чтобы заметить, как охрана проявляет угрожающий интерес к Смайлику. Он все-таки ждал ее! Ее пульс участился, и, несмотря на плохие новости, она с трудом сдержала торжествующую улыбку.

Мужчины столь предсказуемы. Короткий, ничего не значащий флирт, и вот они уже думают, что ты от них без ума.

– Я с ним справлюсь.

Опал нахмурилась, видя, как Смайлик мрачно поглядывает на их охранника, возвышаясь над ним на целый фут.

– Ты уверена?

– Да, чем они больше, тем громче падают.

Опал рассмеялась, и Руби обняла ее:

– Спасибо за помощь, дорогая, не знаю, что бы я без тебя делала.

– Да, я могу уже прибавить сертификат приветливой хозяйки к моему диплому геолога.

Руби толкнула ее бедром:

– Точно, теперь отправляйся отдыхать, а я займусь нашим строптивым гостем.

Бросив недоверчивый взгляд в сторону Смайлика, Опал направилась к выходу.

Руби расправила плечи, готовясь к битве. Ее шея все еще чесалась из-за колье, ноги, привычные к балеткам, а не шпилькам, гудели, а атласное платье билось током в самые неподходящие моменты.

– У нас проблемы, Фриц?

Лицо охранника, уже много лет работающего на их семью, смягчилось. Они знали друг друга сто лет. Когда она была маленькой, он часто угощал ее мармеладками. Ну, пока мама не видела.

Фриц указал на Смайлика, который смотрел на нее с видимой неприязнью, словно это она была виновна во всех его бедах.

– Этот джентльмен отказывается уходить.

Ледяной тон, которым было произнесено слово «джентльмен», недвусмысленно демонстрировал, что Фриц думает об этом мужчине.

Поскольку каждая клетка ее тела ныла, чесалась или болела, Руби решила, что самое время забыть о ранее сделанном приглашении. У нее не было времени на флирт с парнем, которого она больше не увидит.

Собираясь дать незнакомцу ценные указания насчет его дальнейших действий, она имела неосторожность посмотреть ему в глаза. Без всякого сомнения, это была серьезная стратегическая ошибка. В его черных глазах плясали насмешливые золотые искорки, дразнящие и манящие, и Руби невольно подумала, что отступать, наверное, не стоит...

Черт бы его побрал. Как он мог догадаться, что ее так легко поймать на «слабо»?

Руби никогда не пасовала перед схваткой, и теперь не позволит этому таинственному незнакомцу взять над ней верх.

– Все в порядке, Фриц. Я пригласила его на чашечку кофе.

Кустистые брови Фрица стремительно взлетели к самой линии волос, однако он не позволил себе высказать сомнение в разумности ее решения. Ничто не могло поколебать его преданности ее семье.

– Закрываемся?

Она кивнула:

– Да, пожалуйста. Мы пойдем наверх, а ты закрывай зал и отправляйся домой.

Если Фриц и удивился, что она приглашает незнакомца к себе домой (а он не мог не удивиться), то он ничем этого не выдал.

– Спокойной ночи, мисс Руби.

– Спасибо, Фриц.

Она дождалась, пока охранник отойдет достаточно далеко, и повернулась.

Следовало признать, что ее первоначальный план с треском провалился. От его сокрушительной улыбки у нее перехватило дыхание.

– Чашечка кофе – это прекрасная идея.

Как ему удавалось заставить ее чувствовать себя настолько неуверенной, уязвимой и одновременно взбудораженной, словно ребенок накануне праздника?

Руби ненавидела это чувство внутренней дисгармонии. Именно поэтому она предпочитала мужчин рафинированных и беззаботных, а не хмурых и опасных.

– Вообще-то у меня был очень тяжелый день...

– Хотите сбежать? – прошептал он, наклонившись к самому ее уху, и Руби слегка покачнулась.

Щеку обдало теплым дыханием, а от легкого цитрусового запаха кружилась голова. От него пахло сексом.

Она скрестила руки, чтобы хоть как-то воспротивиться желанию прижаться к нему, и закатила глаза.

– Ладно, одна чашка, и вы уходите.

Он коснулся ее руки:

– Смелости поубавилось, да?

Дело было совсем не в смелости, а в инстинкте самосохранения. Мгновенно вспыхнувшее притяжение между ними было слишком сильным и не сулило ничего хорошего.

– Я со всеми флиртую – не принимайте это на свой счет.

– Правда? – Он оказался в опасной близости от нее.

Мужчина больше не касался Руби. Ему и не нужно было, у нее по коже побежали мурашки от одной мысли о его присутствии.

– Вам лучше избавиться от этой привычки, потому что некоторые парни могут неправильно вас понять.

– Неправильно – это как?

– Что вы предлагаете больше, чем хотите дать.

Его намек был более чем прозрачен, и Руби захотелось проверить, сколько же она хочет ему дать. Прямо здесь и сейчас. Она вскинула голову:

– Я предлагаю вам кофе. Соглашайтесь или уходите.

Он заколебался, и ясно читаемое на ее лице разочарование слегка притушило пламя ее страсти, если можно так сказать. Она на миг задумалась, как будет отбиваться от него.

Мужчина продолжал изучать ее взглядом, и Руби засмушалась.

Наконец он медленно, словно все еще раздумывая, а не отказаться ли от этого щедрого предложения, поднял руку и указал на дверь в глубине зала.

– Ведите.

Глава 2

Джексу повезло.

Он пришел сюда этим вечером с двумя целями: продемонстрировать мельбурнским снобам, что он вернулся и намерен просочиться в их ряды, и склонить Сапфиру Сиборн к мысли о слиянии компаний.

К сожалению, президента не было на приеме, зато он познакомился с ее сестрой. Поглядывая на Руби, идущую рядом с ним, он раздумывал, не поторопился ли с выводами.

Может, ему не так уж и повезло.

Младшая Сиборн была выскочкой. Ехидной и провокаторшей. Совершенно не его тип, но на ближайшие несколько часов Джекс был готов закрыть на это глаза. Он не планировал спать с ней, слишком многое было поставлено на карту. У него были большие планы на эту компанию, но сейчас, глядя на ее волосы, мерцающие, словно золотые нити в свете ламп, и грудь, обтянутую атласом, которая соблазнительно колыхалась при каждом ее шаге, он жалел, что ставки так высоки.

– Вы никогда не были у нас раньше. – В ее тоне отсутствовали вопросительные интонации.

Ему понравилась ее прямота.

– Иначе вы бы запомнили меня?

Она фыркнула в ответ на его поддразнивание:

– Я помню всех своих клиентов.

– Всех?

– Всех до единого.

– В это трудно поверить.

Она подняла руки, признавая поражение.

– Хорошо, это не совсем правда. Я помню все изготовленные мной драгоценности и, в свою очередь, людей, которые их купили.

– Впечатляет.

Впечатляющим был и зал, по которому она его вела. Длинная, похожая на пещеру комната сияла – отполированные до блеска полы медового оттенка и стены цвета слоновой кости ловили свет точечных ламп, размещенных так, чтобы подчеркнуть красоту драгоценных камней и усилить их блеск. Насколько он мог судить по тому, что видел, камни здесь были в почете.

Хотя Джекс и являлся хозяином прииска драгоценных камней вот уже несколько лет, они его никогда особо не интересовали. Его целью было получение прибыли. Сияющие побрякушки? Это для богатых дамочек.

– Вам нравится? – Руби заметила, что он рассматривал драгоценности.

Она, оказывается, не только приятно откровенна и красива, но еще и наблюдательна.

– Неплохо, если вы любите подобные вещи.

Она остановилась и театральным жестом схватила за сердце:

– Неплохо?

Руби ткнула указательным пальцем в его сторону, и Джекс с трудом подавил желание схватить ее руку, поднести к губам и перецеловать пальчики.

С некоторым запозданием он спросил себя: о чем, черт возьми, он думает?

– Вы хоть знаете, сколько времени занимает создание одного такого изделия?

– Нет, но я уверен, что вы меня просветите.

Его ухмылка стоила ему еще одного взгляда, полного негодования.

Руби указала на ближайший стенд, на котором находилось простое золотое кольцо, инкрустированное изысканными изумрудами, сказочно мерцавшими на черном бархате подкладки.

– Видите? Я занимаюсь не только дизайном, но и огранкой. Месяц ушел на то, чтобы отшлифовать и отполировать изумруды, еще два на дужку, брусок и кольцо.

Он выразительно поднял бровь, и она пояснила:

– Дужка – это такая треугольная штука, которая скрепляет подвеску и само кольцо. Брусок и кольцо – это такой тип застежки. Ну, брусок вставляется в кольцо.

– Очень интересно.

Судя по ее неуверенному взгляду, она заподозрила, что он над ней издевается. И совершенно напрасно. Ее страстный монолог только подогрел его любопытство. И заставил задаться вопросом, насколько страстной она была в других областях.

– Видите, какая замысловатая гнездовая оправа вокруг каждого изумруда. Это мой фирменный знак.

– Красиво.

Джекс не смотрел на кольцо, и оба это знали. Щеки Руби порозовели, и она отодвинулась от стекла. Тут он сделал то, чего никогда не делал раньше с возможными партнерами по бизнесу, и, соответственно, никак от себя не ожидал – он взял ее за руку:

– Я не ожидал, что вы так скромны и застенчивы и не умеете принимать комплименты.

– Если честно, то я просто валяюсь с ног от усталости.

Странное дело – Джекс испытал сочувствие. Вежливость требовала уйти. Попрощаться и вернуться в другой раз, когда здесь будет Сапфира Сиборн.

Но он не достиг бы успеха, если бы не был безжалостным. Красотка блондинка имеет больше шансов убедить сестру принять его предложение, чем он сам, поэтому нужно заставить ее выслушать его.

– Хотите, чтобы я ушел?

Вопрос, заданный из вежливости, в то время как последнее, что его волновало, – это вежливость.

Руби потеряла браслет на руке:

– И да и нет.

Он озадаченно посмотрел на нее:

– И что это значит?

– Да, я хочу, чтобы вы ушли, и тогда я смогу вернуться домой, снять это невыносимое умопомрачительное платье, надеть свои пушистые тапочки, залезть в постель с тарелкой карамельного попкорна и посмотреть фильм с Джейком Джилленхоллом.

Любительница мелодрам, он должен был догадаться. Интересно, существует ли на земле хоть одна женщина, которой не нравились бы эти розовые сопли?

Руби оставила браслет в покое и теперь теребила кольцо.

– Нет, потому что вы для меня загадка, и я хочу знать, что вы здесь делали на самом деле. Кроме того, что прятались по углам, игнорируя мои шедевры.

Да уж, она явно была оторвой, и от этой мысли его кровь быстрее побежала по венам.

– Никаких загадок. Джекс Марони. – Он протянул руку, но приветственное рукопожатие не состоялось, потому что он был вынужден схватить Руби, чтобы она не упала.

Она покачнулась, побледнела, вытаращила глаза и уставилась на него, словно на посланника Аида, явившегося по ее душу.

– Вы Джекс Марони? – Судя по ее тону, она бы скорее поверила, что он переодетый Майкл Джексон.

– С утра был точно он.

Ее бледность прошла, теперь она вся покраснела.

– Убирайтесь!

Джекс столько раз слышал подобное в детстве, болтаясь с товарищами, которые обожали своих отцов.

«Катитесь отсюда, ребята, паб не место для вас. У нас тут взрослые дела».

Его отец везде таскал его за собой. Он гордился сыном, хлопал его по спине, ерошил волосы.

Все друзья завидовали ему и мечтали о таком классном отце. Джекс обожал Денвера, любил в нем все: его раскатистый громоподобный смех, зычный голос, способность быть постоянно в центре внимания, его невероятную щедрость.

Только потом он понял, что очень просто быть щедрым, когда деньги не твои. А близкие отношения между ними стали причиной того, что Джекс так и не смог принять сделанное отцом.

Он отпустил Руби, раздосадованный выражением ужаса, так и не сошедшим с ее лица.

– Вы не слишком любезны. И когда мы успели пройти путь от чашечки кофе до «убирайтесь»?

Она закусила прелестную полную губку и смотрела на него так, словно ожидала, что он вот-вот приставит к ее горлу нож, заберет все ее ненаглядные побрякушки и исчезнет в голубой дали.

– Я передумала, вы пойдете со мной. – Она схватила его за руку и потащила к ажурной двери из кованого железа, за которой виднелась винтовая лестница.

– Кто-то должен надрать вам задницу, и этим кем-то буду я.

Джекс нашел, что для человека, который был не слишком привычен к улыбкам, он улыбнулся слишком широко и весело, хотя мышцы лица с непривычки плохо слушались.

Ему очень хотелось посмотреть на это.

Руби считала себя девушкой гибкой, мобильной и готовой к любому повороту судьбы, но тот факт, что она тащила Джекса Марони за руку в свою квартиру, чтобы учинить ему допрос, совершенно не укладывался у нее в голове.

Насколько она знала, парень сбежал из Мельбурна несколько лет назад, после суда над отцом. Хотя он и не был под следствием и никаких подозрений у полиции не вызывал, но кто знает, какова его истинная роль в этом деле? Слухи ходили самые разнообразные. Джекс-де знал об аферах своего папаши и участвовал в отмывании денег, и где-то у него припрятано целое состояние, до которого не добралась полиция, а еще он помог своей матери избежать правосудия.

Руби не следила за новостями, но ее мать была в бешенстве от одной мысли о том, что отпетый преступник вроде Денвера Марони мог затесаться в высшие круги общества, получить доступ к деньгам своих новых друзей и фактически ограбить их.

Что касается Джеки, матери Джекса, Матильда Си борн запретила своим дочерям даже здороваться с ней. Одно дело, когда тебя кидает мошенник. Другое – когда предает один из своих.

Каким образом Джекс оказался владельцем процветающего прииска в Западной Австралии, разоряющего ее компанию, – вот что Руби намерена была выяснить.

Теперь, узнав, кто он, она поняла, почему от него исходит ощущение опасности. И почему ее так тянет к нему.

Руби отперла квартиру, буквально втолкнув Джекса внутрь, захлопнула дверь и только после этого повернулась к нему.

Оказавшись на своей территории, она почувствовала себя спокойнее. На полу лежали такие родные бирюзовые и оранжевые индийские подушки, на столах стояли герберы цвета фуксии в огромных бутылках из цветного стекла, заменяющих вазы, ароматизированные свечи в каждом свободном уголке.

Не сегодня. Сегодня Руби намерена отыгаться на Джексе Марони за все беды, причиненные ее семье.

– Если ты так обращаешься со всеми гостями, то спасибо, я обойдусь и без кофе.

– Заткнись. – Она указала ему на самый низкий стул (а пусть ему будет неудобно!). – Садись. Я сейчас вернусь.

Джекс пожал плечами и, как ни странно, послушался, с трудом уместив свои шесть футов на площади, не предназначенной для подобных габаритов.

– Вообще-то я не люблю, когда мной командуют. – Его взгляд остановился на ее ногах и медленно пополз вверх, демонстративно останавливаясь в местах, на которых взгляд воспитанного человека останавливаться не будет. – Но поскольку ты, очевидно, собралась переодеться во что-то более удобное, я, так и быть, останусь. Думаю, это стоит того.

– Ты отвратителен, – заявила Руби, но без должного негодования, обезоруженная его неотразимой улыбкой и комплиментом, скрытым в его словах.

– А ты прекрасна.

Вау.

Искры, пробегающие между ними, грозились превратиться в неслабый электрический разряд.

Раздосадованная тем, что ее тело проявляет слабость в самый неподходящий момент, она чуть ли не опрометью бросилась вон из комнаты. Раньше она и подумать не могла, что кто-то способен настолько вывести ее из равновесия, но противостояние Джексу Марони оказалось занятием весьма волнительным.

Руби очень хотелось заставить его понервничать, так же как он это делал с ней, но внутренняя сила, таящаяся в его угольно-черных глазах, подсказывала ей, что она желает невозможного.

Неплотно прикрыв дверь спальни, она подглядывала за ним в щель, ища, во что бы переодеться.

– Можешь не утруждать себя поудобнее – ты здесь ненадолго! – крикнула она, избавившись от изумрудного атласа, отбросив туфли и с облегчением натянув на себя полосатый комбинезон без бретелек.

– А я-то надеялся, что знаменитые Сиборны окажутся милыми и гостеприимными.

Она похолодела. Он знал о ее семье. Что в общем-то неудивительно. Вопрос заключался в том, как много он знал.

Было ли ему известно, что ее отец умер, когда ей едва исполнилось десять лет? Что Матильда возглавила компанию, выведя ее в число первых ювелирных домов Австралии? Что Сапфи совмещала работу модели и президента компании, еще учась в университете? Что сама она всегда была лишь балованной младшей сестренкой?

Руби снова посетило знакомое чувство вины. Она была беззаботной и безответственной, в то время как Сапфи взяла на себя слишком много и сломалась.

Так, хватит.

Она вытащила шпильки, державшие шиньон, и пробежала пальцами по волосам. Она любила, когда они были распущены. Она любила свободу, а не сдержанность и контроль, как ее непрощеный гость.

Руби вышла из комнаты, подозрительно поглядывая на Джекса, их взгляды снова встретились, и ее сердце ухнуло и оборвалось, сводя на нет все попытки испытать к нему неприязнь.

– Полоски зебры? Интересно... – Улыбка чуть тронула уголки его губ, и она с трудом удержалась, чтобы не сбросить комбинезон в ту же секунду. – Очень уместно, зебры ведь тоже вымирающий вид.

Как Сиборны, – намек был ясен. Она мрачно взглянула на него:

– Ты тут не на модном показе. – Она прошла в комнату и села напротив, поджав под себя босые ноги. – И ты здесь не для кофе.

Преувеличенно скужающее выражение его лица не изменилось, но она заметила, что он сцепил руки с такой силой, что костяшки пальцев побелели.

– Тогда зачем я здесь? – вкрадчиво поинтересовался Джекс бархатным голосом, заставившим ее пульс участиться.

– Все очень просто. – Она прищелкнула пальцами. – Для того, чтобы я могла сказать тебе все, что думаю о тебе и твоём бизнесе, а ты сделал выводы и держался подальше от моей компании.

Джекс развалился на её дамском стульчике, свесив руку за спинку и вытянув ноги.

Его молчание и демонстративно расслабленная поза привели Руби в бешенство. Глаза её сузились и запылали зелёным огнём.

Опыт управления рабочими на прииске научил Джекса, что лучше дать людям вволю позлиться и спокойно подождать, пока гнев иссякнет сам собою, чем прерывать их, спорить и усугублять ситуацию.

Кроме того, ему стало любопытно. Как Руби узнала, что он хочет поглотить их компанию? Более того, как эта избалованная эксцентричная блондинка собиралась ему помешать?

Он провёл тщательное исследование. «Сиборн» находилась в глубоком кризисе, и даже сотня новых коллекций не могла её оттуда вытащить.

– Тебе есть что сказать по этому поводу?

– Зачем, когда ты всё сказала за нас обоих? – Он самодовольно улыбнулся, надеясь, что это ещё больше взбесит её.

Судя по выражению её лица, это сработало.

– Твой прииск разоряет наш, – обвиняющим тоном провозгласила она. – Ты продаёшь камни по слишком низким ценам, мы не можем с тобой конкурировать. У нас маленький прииск, обеспечивающий нужды нашего семейного бизнеса, а ты поставляешь камни ювелирным сетям, которые продают изделия низкого качества по низким ценам и отбирают у нас покупателей. – У неё задрожали губы. – Ты убиваешь нас.

Джекс не моргнув глазом выслушал эту душераздирающую речь. Его давно уже не трогали чужие эмоции.

Дразня Руби, он смахнул несуществующую слезу. Её губы сжались в тонкую ниточку.

– Надеюсь, это не то, что я думаю.

– А что ты думаешь?

– Ты тронут до слез.

Он едва смог удержаться от смеха при виде её свирепого выражения лица:

– Умна и красива.

Она выругалась, и он засмеялся ещё громче:

– Не принимай это на свой счёт, но я пришел, чтобы сделать твоей сестре деловое предложение.

Она покачала головой, разметаив золотые волны по плечам.

– Ей это неинтересно.

– Она ещё не слышала, что я собираюсь ей предложить.

Руби пожала плечами:

– Я являюсь главой компании на ближайшие несколько месяцев, так что, если ты хочешь что-то сказать, тебе придется говорить это мне.

– Тебе?

Руби мгновенно ошетинилась, и Джекс не мог её за это осуждать.

– Сапфи взяла отпуск на три месяца по настоянию врача, так что теперь я за неё.

Три месяца? Джекс не мог позволить себе столько ждать. У него было максимум несколько недель, пока дела «Сиборн» не пошли ещё хуже. Потом уже не будет смысла вкладывать в компанию деньги.

Внезапно Джекс осознал всю серьезность ситуации. Он не мог упустить такую возможность, ведь с приобретением прииска Сиборнов его собственная компания получит полный контроль над всем западным побережьем. И гарантированный плацдарм для завоевания восточного побережья, а там и всей страны.

Джекс вернулся в Мельбурн по одной-единственной причине. Чтобы вывести «Прииск Марони» в лидеры. На самую вершину. Ничто и никто не могло его остановить.

Он сцепил пальцы и прижал их к груди.

– В таком случае, леди-босс, назови свою цену.

Она изумленно распахнула глаза:

– На что?

– На «Сиборн».

В ее резком смехе не было веселья.

– Мечтатель.

Он наклонился вперед, опершись локтями о колени:

– Напротив, мечтательница здесь ты. Неужели ты думаешь, что сможешь добиться того, что не удалось твоей сестре?

– Чего именно?

– Процветания компании.

Он едва успел увернуться от полетевшей в него книги.

Вообще-то Руби не была буйной.

Хотя, возможно, и была, но не знала об этом до того момента, как схватила первое, что попало ей под руку (великолепный триллер-антиутопию), и запустила ею в мерзкого Джекса Марони.

К несчастью, она никогда не была хорошей спортсменкой и промазала.

– Какой темперамент. – Он подобрал книгу, пролистал и принялся читать аннотацию, давая ей время успокоиться.

Руби прижала ладони к красным от гнева щекам, видимо пытаясь их охладить, и глубоко задышала.

– Какое богатое воображение. – Она опустила руки, сцепив их в замок, и покачала головой. – Продать тебе «Сиборн»? Ты, должно быть, шутишь.

Он встал так резко, что она отшатнулась:

– Я не шучу. И у меня нет времени на игры.

Джекс обошел квадратный винтажный кофейный столик, который Руби купила в секонд-хенде, и навис над ней.

Можно подумать, на нее действуют эти дешевые фокусы.

Она тут же вскочила и подошла к нему вплотную. К своему неудовольствию, Руби обнаружила, что со своими пятью футами восьмью дюймами выглядит не очень внушительно на фоне его шести футов и не менее трех дюймов, и тут же пожалела, что сняла туфли на каблуках.

– Если ты так же умна, как твоя сестра, то должна понимать, что «Сиборн» продержится месяц или два, не более. Вас ждет банкротство. – Его губы изогнулись в сардонической полуулыбке. – Я предлагаю прекрасное решение. Ты продолжишь делать свои ненаглядные колечки с сережками. Ничего не изменится, кроме того, что я буду твоим хозяином.

У нее уже чесалась рука стереть эту наглую ухмылку с его физиономии, но тут Джекс уточнил:

– В смысле, я буду хозяином прииска.

У Руби сжалось сердце при мысли о том, что семейный бизнес находится в двух шагах от гибели, но он не должен догадаться, насколько соблазнительно его предложение.

– Я могу ответить только одно. – Торжествующее выражение, появившееся в его глазах, доставило ей еще больше удовольствия. – Когда рак на горе свистнет.

Глава 3

После того как Джекс ушел, Руби добрых десять минут металась по выставочному залу, словно разъяренная пантера. Она всегда считала себя натурой спокойной и уравновешенной, не склонной к бурному проявлению эмоций, но, кажется, сегодня открыла в себе новую грань.

Что, черт возьми, Джекс Марони возомнил о себе?

Она была так возмущена его предложением, что даже не поинтересовалась, где он взял приглашение. Наверное, дал кому-нибудь на лапу, по примеру его дорогого папашки.

Несправедливо? Возможно, но она сейчас находилась не в самом благостном расположении духа. Она сердито схватила список товаров с барной стойки и пробежала его глазами, надеясь увидеть новые отметки о продажах.

Увы, приходилось признать очевидное: они едва отбили себестоимость камней. Руби конвульсивно сжала пальцы, сминая лист бумаги, и бросила его обратно на стойку. Через пару секунд, глотая слезы, она кинулась разглаживать несчастную бумажку, чтобы Опал не догадалась, насколько на самом деле плохи дела.

Кузина стала ее помощницей, когда Сапфи на время отошла от дел. Руби ни за что не справилась бы без Опал, и хотела отблагодарить ее, сделав щедрый подарок – кольцо с опалом и браслет.

Судя по тому, как шли дела, она не могла позволить себе даже оправу, не говоря уже о редчайших черных опалах.

У Руби пересохло в горле, когда она подошла к столу, открыла ящик и достала конверт. Она взвесила его в руке, подбросила на ладони, пытаясь собраться с мужеством и вскрыть его. Днем у нее была уважительная причина – она не хотела портить себе настроение перед приемом. С тяжелым вздохом она наконец открыла конверт, жалея, что не может просто порвать его. К несчастью, это ничего бы не изменило: «Сиборн» по уши в долгах и отчаянно нуждается в инвестициях. Она просмотрела документ, и цифры заплясали у нее перед глазами.

Руби не могла осуждать Сапфи за то, что та заложила их ювелирный салон и свою квартиру, чтобы оплатить дорогостоящее лечение их матери. Она поступила бы точно так же.

Теперь, когда кредиторы требовали погашения долгов, они могли потерять то единственное, что Сапфи пообещала матери сохранить.

Руби не может допустить этого. И не допустит. Она обязательно найдет выход.

С тяжелым сердцем она прошла в свою мастерскую. В таком состоянии она, конечно, работать не сможет, но хоть займется сортировкой.

Главное – занять себя чем-нибудь. Сегодня она все равно не уснет.

Джекс зашел в квартиру, подключил айпод к колонкам и включил музыку. Басы ударили так, что его чуть не отнесло к стене. Это хорошо. Ему необходимо было сейчас что-то громкое, чтобы заглушить мысли. Чем громче, тем лучше.

Оглушительный рев заполнил отделанный мрамором холл, разрывая барабанные перепонки. Тяжелый бит пульсировал в нем.

Это было то, что нужно, чтобы сбросить напряжение последних нескольких часов.

Он бросил пиджак на диван, подошел к бару, налил двойную порцию виски и опрокинул в себя. Дикий проигрыш, льющийся из ультрасовременной системы объемного звучания, соответствовал его настроению. Хриплый. Дисгармоничный. Резкий.

Он аккуратно поставил стакан на стол, с трудом сдержав желание запустить им в ближайшую стену с воплем «Да пошли вы все, самодовольные снобы!».

Джекса здорово задело вежливое пренебрежение со стороны бизнес-элиты. Ему нужно снова стать для них своим, доказать, что он не похож на своего бесчестного отца. Без этого его планы по экспансии «Прииска Марони» были неосуществимы.

Но они смотрели на него сегодня, словно на пустое место. Черт возьми, как он сможет проводить переговоры с людьми, которые не просто враждебны – они его просто не замечают?

Джекс оперся руками о подоконник, не замечая потрясающего вида Мельбурна, раскинувшегося до самого горизонта.

Он всегда включал техно-панк-гранж, когда ему было плохо. Никаких слов. Только грохот. Музыка, мало похожая на столь любимых его родителями Брюса Спрингфилда и Бон Джови.

Прекрасно, только этого ему не хватало после сегодняшнего вечера – вспомнить о родителях.

Джекс довольно часто думал о них в последнее время. У Денвера появилась возможность досрочного освобождения, и пресса без устали терроризировала Джекса, пытаясь выудить хоть какую-то информацию. Он посылал их – в вежливой форме, конечно, – не озвучивая тот факт, что почти ожидал, что его мать явится поручиться за старого шарлатана.

Джекс не мог понять, почему такая красивая состоятельная женщина, как Жаклин Блэйз, продолжала поддерживать своего негодяя мужа и после его ареста, когда вся правда вышла наружу.

Пока она не совершила двойное предательство. Тогда все стало пугающе ясно.

Ему было двадцать четыре, когда Денвера арестовали. В глубине души Джекс всегда знал, что Джеки была его сообщницей, пусть полиция и не нашла доказательств ее причастности к преступлению.

Она представила Денвера своим богатым друзьям, заставила высшее общество принять его, несмотря на сомнительное происхождение. Дело в том, что отец Денвера был, по всей видимости, убит во время покупки партии наркотиков, когда пытался обмануть дилера.

Родители никогда об этом не рассказывали, но Джекс нашел информацию в Интернете, после того как подслушал, что бабушка ругает мать за ее тягу к непутевым мужчинам. Он помнил испытанное им после прочтения чувство облегчения – отец был совершенно не похож на его деда.

Смешно.

Его мать, не колеблясь, помогла мужу обокрасть своих богатых друзей. Людей, которые знали ее семью десятилетиями.

Когда Денвер был осужден, она просто ушла из его жизни, даже не попрощавшись.

Мать, которой он доверял, мать, которую любил, просто исчезла.

Теперь, десять лет спустя, Денвер подал очередную апелляцию, и вполне вероятно, что Джеки вернется.

Он давно уже пережил ее предательство и перевернул эту страницу своей жизни, но сейчас его бесило то, что теперь, когда он добился успеха, все могло быть разрушено – стоило только Денверу, выйдя из тюрьмы, приняться за старое.

Компания процветала, и Джекс каждый день благодарил всех богов за то, что его бабушка переписала на него прииск, когда ему было двадцать пять.

Бабуля была дамой весьма трезвомыслящей и не доверяла дочери из-за сердечной склонности последней ко «всяким подонкам», поэтому, вместо того чтобы оставить Джеки все свое состояние, она распределила активы.

С тех пор Джекс без устали работал, чтобы сделать прииск более прибыльным, и ему это удалось, несмотря на антирекламу, за которую должен был поблагодарить отца. Тот, видимо, считал день прожитым зря, если не видел своего имени на первых полосах газет. Помимо скандала с судом и обнародованными криминальными связями, были еще интервью в журналах,

слухи об организации синдиката азартных игр в тюрьме и откровенная автобиография. Неудивительно, что журналисты преследовали Джекса, желая получить его комментарии.

Он снова и снова повторял им, что ему нечего сказать об отце. Ни единого слова.

Джекс рефлекторно сжал кулаки при воспоминании о последней встрече с отцом перед самым его арестом. Денвер тогда заказал столик в самом дорогом ресторане Мельбурна. Они ели тасманские устрицы и филе миньон, запивая самым дорогим вином, подчеркивающим вкус блюда.

Отец был превосходным рассказчиком, и Джекс до слез и колик в животе смеялся над его байками. Чем старше он становился, тем больше ценил их отношения.

Немногие из его знакомых парней стали бы тусоваться с отцами, но ему это было интересно. Денвер посвящал его во все свои дела.

Как выяснилось позже, не во все.

Денвера арестовали на следующий день.

И мир Джекса рухнул.

Он всегда обожал отца. Он стремился на него походить. Он восхищался им за то, что тот, выходец из рабочей и криминальной (если вспомнить, кем был его дед) среды, смог стать воротилой бизнеса. И вот его отец оказался лжецом и вором и вовсе не тем человеком, за которого принимал его Джекс.

Он оставался рядом с Денвером – во время суда, всей этой газетной шумихи, вплоть до вынесения приговора.

В тот момент, когда за отцом захлопнулась дверь тюремной камеры, их отношениям пришел конец.

Музыка перестала играть, и Джекс сел на диван. По спине пробежал неприятный холодок.

Пусть теперь ему было плевать на прошлое, но у него по-прежнему возникало это противное, сосущее под ложечкой ощущение, когда он вспоминал, как много жизней поломал отец своей ложью, сколько семей разорил. Ощущение, которое он ненавидел.

Судя по тому, какой прием ему был оказан сегодня вечером, люди этого тоже не забыли.

К дьяволу их.

У него было полно работы.

И компания, которую нужно было превратить в промышленного гиганта. Сегодня он сделал к этому первый шаг. Ничего личного. Просто бизнес.

Кому он лгал? Бизнес закончился вскоре после того, как он явился по фальшивому приглашению на презентацию Сиборнов. С той секунды, когда он увидел Руби, бизнес уступил место предвкушению удовольствия.

Дикого, необузданного, порочного.

Он хотел ее.

А если Джекс Марони чего-то хотел, он это получал.

За это он должен был поблагодарить старину-отца. Джекс с раннего возраста усвоил, что ему дадут все, что он пожелает. Денвер был таким мягкотелым.

Джекс сжал кулаки и со всей силы ударил ни в чем не повинный диван.

Хватит.

На столе его ждала огромная кипа бумаг, и пора было завязывать с этими соплями. Да, сделка, которую он так добивался, уплывала из рук из-за репутации его отца. Зато женщина, от которой зависело заключение этой сделки, пробудила в нем живейший интерес.

Джекс знал о репутации Сапфиры Сиборн и ожидал схватки с настоящей акулой. Но перепалка с претендующей на остроумие дерзкой блондинкой удивила и потрясла его.

Когда она услышала его имя, а позже предложение... да, в гневе она была великолепна.

Джекс чувствовал возбуждение при одном воспоминании об этом.

К сожалению, в данной ситуации он не мог позволить себе пойти на поводу у своей похоти, ведь у Руби Сиборн было то, чего он так страстно желал.

Как правило, если он чего-то желал, он шел и брал это. «Сиборн» не должна стать исключением.

Глава 4

Руби провела три дня над счетами компании вместе с бухгалтером, пока у нее не заболели глаза. Математика определенно не была ее сильной стороной, и все же она слушала и вникала.

Сколько бы они ни прикидывали различных вариантов, чуда не произошло. Было ясно, что без денежных вливаний или существенного сокращения расходов компания скоро обанкротится.

Руби заморгала, пытаясь прогнать ненавистные слезы. Она никогда не отличалась чрезмерной чувствительностью, но в последнее время была на грани нервного срыва.

Не самое подходящее состояние для решающей схватки.

Меньше всего на свете ей хотелось проводить воскресенье на скачках, но партнер по бизнесу пригласил ее, и ей не хотелось обижать его отказом.

Руби дефилировала под тентом, растянутым на Флемингтонском ипподроме, целуясь со знакомыми, приветствуя конкурентов и клиентов, фальшиво улыбаясь и оживленно болтая о всякой чепухе, словно всю жизнь только этим и занималась.

Она понятия не имела, как Сапфи проделывала это изо дня в день. Неудивительно, что сестра просто сгорела на работе. А ведь это еще самая легкая из ее обязанностей как президента. И никто не догадывался, что ее любимая компания каждый день делает шаг на пути к разорению.

При воспоминании о сестре и о том, как мало Сапфи ей доверяла, у Руби словно ком в горле застрял. Она взяла бокал шардоне с подноса проходящего мимо официанта и направилась на лужайку. Ей необходимо было выбраться из толпы.

Руби глубоко вздохнула, и тиски, сжимавшие ее легкие, ослабли. Потягивая вино, она оглянулась на битком набитый шатер.

И увидела мужчину, которого ей так хотелось увидеть.

Джекс Марони. Черный костюм. Черное сердце. И настроение тоже не слишком светлое, судя по мрачному лицу и вечно нахмуренным бровям.

По всей видимости, он пришел сюда не для того, чтобы пообщаться. Спрятавшись за экраном, он, ни на секунду не переставая хмуриться, мрачным пронзительным взглядом сканировал помещение.

Интересно. Это уже второй прием за несколько дней, на котором он намеренно дистанцировался от толпы. Было не похоже, чтобы Джекс чувствовал себя неловко, и все же он совершенно не вписывался в это закрытое рафинированное общество. Высокий, прекрасный, мрачный самец.

Руби продолжила наблюдение. Он не двигался, не улыбался, не брал напитки и закуски. Единственный раз, когда он подал хоть какой-то признак жизни, имел место при приближении Мейеров, пожилой богатой семейной пары, друзей ее матери. Он распрямил плечи, изобразил на лице то, что при желании могло сойти за улыбку, и протянул руку. Однако старики проществовали мимо, пробормотав что-то себе под нос (однако достаточно громко, чтобы Джекс услышал, и с таким трудом давшаяся ему улыбка исчезла с его лица).

Этот человек делал все, чтобы разорить компанию ее семьи, и Руби должна была его ненавидеть, но в этот момент ей стало жаль его. Лицо Джекса, разумеется, почти сразу же приняло свое обычное непроницаемое выражение, словно ничего и не произошло.

Если ей не изменяла память, восемьсот тысяч долларов, принадлежавшие сыну Мейеров, перекочевали в карман Денвера Марони. Неудивительно, что они не слишком обрадовались встрече с его сыном.

Эта публика всегда защищала свое, а отец Джекса совершил немыслимое: воспользовался многолетней дружбой, чтобы обчистить их до нитки.

Руби не давал покоя вопрос: зачем Джекс добровольно идет на это? Он мог казаться холодным и равнодушным, словно плевать хотел с высокого маяка, кто и что о нем думает, но отдавать себя на растерзание толпе из-за грехов отца – это было чересчур.

Должно же это было задеть его! Если только Джекс не сделан из камня. Хотя, судя по виду, с которым он попеременно поглядывал то на часы, то на толпу, как будто ожидая кого-то, это предположение было не так уж далеко от истины.

Сердце Руби замерло в сладкой истоме, но она тут же строго одернула себя. Вряд ли он искал ее. Если вспомнить, чем закончилась их беседа, можно предположить, что следующая встреча состоится уже в присутствии толпы юристов.

Такие парни, как он, так легко не сдаются. Властные, самоуверенные, не принимающие отказа.

Если Джекс Марони нацелился на «Сиборн», спасти ее сможет только вмешательство свыше. Руби подумала, что это неплохой выход – во всяком случае, единственный. Джекс выразился вполне ясно – его интересовал прииск, а вовсе не самый старый ювелирный магазин в Мельбурне.

Джексу было плевать, что Сиборны поставляли тиары конкурсу «мисс Австралия» уже двадцать лет. Ему было плевать, что телезвезды собственноручно писали им благодарственные письма. Ему было плевать, что австралийские актеры, пробившиеся в Голливуде, дефилировали в их драгоценностях по красной ковровой дорожке.

Джексу Марони было не плевать лишь на деньги – его деньги, – а все остальное могло гореть синим пламенем.

Руби не знала, то ли стресс последних дней лишил ее разума, то ли ей срочно требовалось сорвать на ком-нибудь злость, а он оказался под рукой, но она решительно поставила бокал и направилась к нему. Джекс увидел ее, и на его лице промелькнула радость, быстро сменившаяся выражением полнейшего безразличия, которое он, вероятно, репетировал каждое утро перед зеркалом.

– Выслеживаешь добычу?

Он вытаращил глаза от изумления:

– Что, прости?

Она махнула рукой в сторону толпы:

– Большинство мельбурнских ювелиров присутствуют здесь. Ищешь, кого бы разорить?

Он натянуто улыбнулся:

– Полагаю, ты не собираешься принимать мое предложение.

– Правильно полагаешь.

Предложение... Наверное, какой-нибудь талмуд на пятьдесят страниц, предназначенный, чтобы запудрить ей мозги.

Руби ненавидела это чувство бессилия.

– Ты охлофоб?

Он покачал головой:

– С чего ты взяла?

– Ты все время держишься в стороне от толпы.

– Скорее толпа держится в стороне от меня, – пробормотал он с горечью, окинув взглядом собравшихся.

Может, ее предположения были недалеко от истины? Хотя мистер Денежный Мешок и делал вид, что ему сам черт не брат, ему вовсе не нравилось быть изгоем.

– Выглядишь так, словно тебе в тягость находиться здесь. Вероятно, это отпугивает людей.

Он пожал плечами:

– Меня это мало волнует. Я здесь по делу.

– Боюсь даже предположить, что это за дело, – пробормотала Руби, удостоившись очередной ухмылки.

– Тебе не с кем поговорить?

– А тебе? – парировала она, но тут же устыдилась своей колкости.

Джекс нагло уставился на нее, взглядом срывая черное шелковое платье без бретелек. По ее телу побежали мурашки – она никогда не чувствовала себя настолько обнаженной, будучи полностью одетой.

– Я здесь потому, что мне этого хочется.

Это была просто банальность, ничего не значащая для парня, привыкшего, что женщины падают к его обутым в туфли от Прада ногам. Но в тот момент ей хотелось верить ему.

Словно почувствовав это, Джекс оттолкнулся от стены и шагнул ей навстречу, оказавшись совсем близко. Слишком близко.

Руби ощутила приближение легкой паники. Его губы искривились в усмешке.

– Нечего сказать? Кажется, это впервые.

Отчаянно борясь с желанием поцеловать его, она презрительно фыркнула:

– Ты ничего не знаешь обо мне.

Он наклонился к ней, и она едва не потеряла голову от его запаха. Запаха самца.

– Может быть, я хотел бы узнать, – прошептал он, щекоча ее ухо горячим дыханием.

Руби закрыла глаза, смакуя ощущение жара, охватившего ее тело. Реальность грубо вторглась в фантазии. Только интрижки с врагом ей сейчас и не хватало.

Джекс коснулся ее лица, проведя пальцем по щеке. Новая волна удовольствия едва не накрыла Руби с головой.

Здравый смысл все-таки не был окончательно побежден всепоглощающим желанием, и она удержалась от того, чтобы схватить его за руку и увезти к себе домой.

С парнями она обычно сама проявляла инициативу, не дожидаясь, когда они сделают первый шаг. Если мужчина ей нравился, она давала ему это понять.

Но когда Джекс отступил на шаг, оставляя ее разгоряченной и жаждущей прикосновений, она поняла, что он не обычный мужчина.

У Руби не получится играть с ним. Он был не из тех, кого можно подразнить и распалить, а потом оставить ни с чем.

Учитывая положение, в котором находилась ее компания, вряд ли стоило играть с огнем.

– А я хотела бы, чтобы ты оставил мой прииск в покое.

Желание в глазах Джекса не погасло. Кажется, ее колкости его заводили.

– А я хотел бы, чтобы этот город узнал, что я не такой, как мой отец, и люди бы согласились вести со мной дела, но мы не всегда получаем то, что хотим.

Ее поразила его откровенность. Когда его губы дрогнули и он попытался отвернуться, она схватила его за руку:

– Значит, у тебя все-таки есть сердце, несмотря на то что ты изображаешь из себя крутого парня.

Он нахмурился, но выражение его лица все же смягчилось.

– Ничего подобного. – Он постучал себя по груди. – Пусто. Можешь называть меня Железный Дровосек.

В детстве Руби обожала «Волшебника из страны Оз», и тот факт, что этот большой бизнес-хищник читал эту сказку, тронул ее так, как ничто другое.

– Ты хочешь, чтобы тебя приняли...

– Только в качестве делового партнера. – Он пренебрежительно махнул рукой в сторону зала. – Мне все равно, как они относятся ко мне лично.

Это уточнение только укрепило Руби в мысли о том, что всеобщее презрение задевало его больше, чем он хотел признать.

– Хорошо, ты хочешь, чтобы они приняли тебя как делового партнера, а я хочу спасти семейное дело. Может, нам стоит подумать, как решить наши проблемы?

Джекс нахмурился еще сильнее:

– Зачем? Как ты точно подметила, мы едва знаем друг друга. С какой стати я буду обсуждать с тобой свои проблемы? – Он покачал головой. – Деловые предложения – всегда пожалуйста. Это? – Он указал на толпу. – Даже не надейся.

Руби уставилась на него, пытаясь ухватиться за мысль, мелькнувшую на периферии ее сознания.

Он несколько раз повторил слово «предложение». Что, если они смогут придумать предложение, которое будет выгодно им обоим?

Мысль начала приобретать ясные очертания, и внезапно в голове Руби что-то щелкнуло. Она судорожно вздохнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.